Эмпирические исследования

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-54-76

Я и Другой: модели оценки и социального сравнения

Милена В. Балева[5]
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
milenabaleva@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты двух исследований, сопоставляющих самооценки и оценки Другого с позиции общности их предикторов, а также вкладов в процесс социального сравнения. В исследовании участвовали 314 студентов (79 мужчин - 25%; 235 женщин) от 18 до 30 лет (M=20,23, SD=1,59). Как стимульный материал использовались образы «плохого» и «хорошего» персонажа видео-интервью, в исполнении молодых актеров. Строились и сопоставлялись модели самооценки и оценки объекта, а также модели сравнения субъекта и объекта восприятия при разном перцептивном фокусе. Показатели субъективных оценок внешней привлекательности объекта и сходства с ним рассматривались как контрольные. Обнаружено, что установки на черты вносят аналогичные вклады в оценки себя и Другого, причем наибольшее влияние имеют эмоциональный и поведенческий компоненты установок: человек склонен наделять себя и Другого наиболее привлекательными и слабо контролируемыми чертами. Факторы внешней привлекательности и сходства с объектом ослабляют роль установок на черты при оценке его личности. В процессе социального сравнения вклад оценки Другого более значим, чем вклад самооценки. Максимально данная закономерность проявляется в ситуации объектного перцептивного фокуса.

Ключевые слова: социальная перцепция, атрибутивная теория самовосприятия, установки на черты, социальное сравнение, субъектный и объектный перцептивный фокус, позитивная предвзятость в пользу Я

Для цитирования: Балева М.В. Я и Другой: модели оценки и социального сравнения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 54–76. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-54-76

[5] © Балева М.В., 2020

Self and Other: Assessment and Social Comparison Models

Milena V. Baleva
Perm State University, Perm, Russia,
milenabaleva@yandex.ru

Abstract. Two studies were aimed to comparing the Self and the Other assessments in terms of their common predictors and their contributions to the process of social comparison. The study involved 314 students from 18 to 30 years old (M = 20.23, SD = 1.59), 79 male (25%) and 235 female. The images of the "bad" and "good" Other were performed by young actors in the staged video interview. Models for Self and Other assessment were built and compared with each other, as well as the models for Self and Other social comparison under different perceptual focus. Subjective evaluations of the object's attractiveness and similarity with him/her were considered as control variables. It has been found that attitudes toward the traits made similar contributions to the assessments of oneself and the Other. The emotional and behavioral components of attitudes have the greatest influence on the assessments: a person is inclined to endow him- or herself and the Other with the most attractive and weakly controlled traits. Awareness of the Other's attractiveness and similarity to the subject weaken the role of attitudes toward features in assessing his or her personality. In social comparison, the contribution of the Other assessment is more significant than the contribution of Self-assessment. This regularity is most clearly manifested in the situation of Other → Self perceptual focus.

Keywords: social perception, attribution theory of Self-perception, attitudes toward traits, social comparison, Self → Other and Other → Self perceptual focus, Self-positivity bias

For citation: Baleva MV. Self and Other: Assessment and Social Comparison Models. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2020;1:54–76. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-54-76

Введение

Восприятие Другого предполагает в качестве фонового условия восприятие самого себя, поскольку именно отличие от «Я» придает понятию «Другой» смысловую определенность. Вместе с тем вклад самовосприятия в восприятие Другого может варьироваться от минимума к максимуму, а также иметь разную степень осознанности в зависимости от ситуации социального взаимодействия. Очевидно, что в ситуации прямого оценочного сравнения себя с Другим вклад самовосприятия будет максимально весомым и осознанным. Противоположная ситуация, предполагающая минимальное уча-

стие самовосприятия, теоретически может возникнуть в результате когнитивного вытеснения, например, когда Другой выступает как транслятор важной, но сложной для субъекта информации, понимание которой требует усилий по поддержанию произвольного внимания [Канеман 2006; Vergauwe et al. 2010]. В большинстве же случаев самовосприятие выступает умеренным, периодически актуализируемым фактором восприятия Другого, зафиксированным, в частности, в таких типовых схемах социального познания, как идентификация и социальная рефлексия.

Восприятие себя и Другого: в поисках общих принципов

Сходство процессов самовосприятия и восприятия другого человека впервые было описано Д. Бэмом [Bem 1970; Bem 1972]. Вопреки интуитивно логичному представлению о внутреннем источнике формирования своих аттитюдов Д. Бэм выдвинул совершенно нелогичную, на первый взгляд, теорию самовосприятия, где субъект исследует самого себя не «изнутри», а «извне», используя те же атрибутивные инструменты, с помощью которых он воспринимает Другого. Согласно этой теории, человек наблюдает за собой как бы со стороны, а его установки являются, скорее, не причиной, а следствием его действий. В одном из экспериментов Д. Бэм попросил студентов высказаться об отношении к их участию в формировании учебного плана. Большинство оказались сторонниками такого участия. Затем им было предложено написать эссе, доказывающее нецелесообразность студенческого «вмешательства» в формирование учебной программы. В результате этой работы студенты не только изменили свое первоначальное мнение, но и утверждали, что оно было именно таким еще до написания эссе. Важно отметить, что основная цель эксперимента Д. Бэма заключалась не в том, чтобы сформулировать теорию самовосприятия. Он ставил более скромную задачу – оспорить описанный Л. Фестингером механизм редукции когнитивного диссонанса через «подгонку» поведения под установки и показать, что в данном процессе поведение выступает как причина, а установки – как следствие. Этот замысел был успешно реализован, а интерпретация полученных фактов привела к констатации двух важнейших условий данного процесса: (1) человек не замечает, что источником формирования его установок является поведение; (2) человек выступает для себя таким же объектом социального восприятия, каким выступает для него любой другой человек. Так теория самовосприятия стала, по существу, артефактом исследований в рамках теории когнитивного диссонанса.

Дальнейшие многочисленные работы, направленные на изучение взаимосвязи установок и поведения, показали их обоюдное

влияние [Bagozzi 1981; Glasman, Albarracín 2006, Ross et al. 1983; Savoy, Boxer 2019], подтвердив правоту исследователей. В свою очередь, выдвинутая Д. Бэмом идея о перцептивном «равноправии» образов субъекта и объекта не получила дальнейшего развития. На фоне открытия феноменов позитивной предвзятости в пользу Я и стереотипизации Другого, ярко иллюстрирующих, наоборот, асимметрию субъект-субъектного и субъект-объектного восприятия, попытки уравнять в перцептивном поле позиции Я и Другого выглядели бы, по меньшей мере, странно. Вместе с тем в работах последнего времени, посвященных когнитивным механизмам социальной перцепции, можно найти основания для такого подхода. Например, в исследованиях В. Хуренс [Hoorens 1995] и Р. Эйзера с коллегами [Eiser et al. 2001] было показано, что позитивная предвзятость в пользу Я может быть редуцирована за счет манипулирования перцептивным фокусом восприятия: при объектном фокусе, когда субъект сравнивает объекта с собой (а не себя с объектом), предвзятость снижается до статистически значимого уровня. В нашей с коллегами работе [Балева и др. 2018] обнаружено, что стереотипизация Другого как представителя аутгруппы является функцией когнитивных стилей и снижается на фоне рефлексивности, когнитивной сложности, поленезависимости и гибкого познавательного контроля.

Атрибутивный подход Д. Бэма к самовосприятию, а также результаты описанных выше исследований позволяют предположить, что можно выделить некие единые механизмы, лежащие в основе самовосприятия и восприятия Другого. Первым и наиболее вероятным кандидатом на роль такого механизма представляются аттитюды, которые можно рассматривать как единый измерительный стандарт для оценки Другого и себя. В самом общем смысле под аттитюдом понимается отношение к объекту, выражающееся в его оценке с некоторой степенью благосклонности или недовольства [Eagly, Chaiken 1993]. Наиболее распространенной моделью измерения (явных) аттитюдов до сих пор является классическая трехсторонняя модель отношений М. Розенберга и К. Ховланда [Rosenberg, Hovland 1960], которая описывает связь между скрытым отношением и его когнитивными, аффективными и поведенческими аспектами [Kaiser, Wilson 2019]. Предполагая, что черты личности сами по себе являются объектом социальной перцепции, С.А. Щебетенко [Щебетенко 2014; Щебетенко 2015] получил данные о том, что поведенческий компонент установки на черты Большой пятерки («диспозиционная эффективность»), а также общая оценка черты в терминах «хорошая» – «плохая» вносят вклады в самооценку субъекта по тем же чертам. В работе К. Розермунда и его коллег [Rothermund et al. 2005] показано, что поведенческий

компонент отношения к свойству личности влияет на самооценку данного свойства. В их эксперименте студенты, оценивающие набор определенных качеств как подвластные или неподвластные контролю со стороны их носителя, с большей вероятностью приписывали себе плохо контролируемые положительные и хорошо контролируемые отрицательные качества. В исследовании С. Паль и Р. Эйзера [Pahl, Eiser 2005] обнаружено, что приписываемые как себе, так и «среднему Другому» положительные черты имеют более высокие оценки, чем отрицательные черты, по всем компонентам аттитюдов: эмоциональному («являются хорошими, с моей точки зрения»), когнитивному («встречаются наиболее часто») и поведенческому («хорошо поддаются контролю»). На основании этих данных мы можем предположить, что установки на черты являются общим фактором, лежащим в основе восприятия и себя, и другого человека.

Социальное сравнение: вклад самооценки и оценки Другого

Социальное сравнение [Festinger 1954] представляет собой ситуацию, в которой Я и Другой выступают как равноправные перцептивные объекты, сопоставляемые по ряду параметров. Т. Уилс [Wills 1981] описывал социальное сравнение как восходящее, когда объект рассматривается субъектом как превосходящий его по ряду значимых положительных характеристик, и *нисходящее*, когда объект, наоборот, представляется субъекту отстающим от него по значимым характеристикам. При этом нисходящее сравнение начинает превалировать в ситуации угрозы самооценке, исполняя роль защитного механизма. Исследование, проведенное Р. Коллинз [Collins 2000], свидетельствует о том, что в ситуации, расцениваемой субъектом как благоприятная, он выбирает для социального сравнения объекты, превосходящие его по ряду значимых качеств. С точки зрения теории избирательной доступности Т. Масвейлера и Ф. Страка [Mussweiler 2003; Mussweiler, Strack 2000] сравнение с Другим начинается с гипотетического предположения о равноценном сходстве. Далее, однако, в ситуацию вмешиваются многочисленные контекстные факторы и мотивационные переменные, обеспечивающие субъекту большую доступность той информации о самом себе, которая является адекватным откликом на контекстные переменные. Другими словами, субъект может в равной степени убедительно обнаружить и сходство, и различие с объектом восприятия, показать свое превосходство над ним или его – над собой при условии, что аргументы, подкрепляющие его суждения, представляются лично ему когерентными.

Несмотря на обнаруженную в многочисленных исследованиях перцептивную асимметрию социального сравнения, которая про-

является в позитивной предвзятости в пользу Я [Alicke et al. 1995; Dunning et al. 1989], имеются данные о том, что экспериментальная коррекция некоторых контекстных факторов восприятия приводит к выравниванию оценок Я и Другого, как это предсказывает теория избирательной доступности. Так, например, антонимичное соотнесение друг с другом положительных и отрицательных характеристик, а также выравнивание их смысловой экспрессивности снижает позитивную предвзятость [Pahl, Eiser 2005]. Тот же эффект, как было сказано выше, достигается за счет объектного фокуса сравнения, когда Другой становится фигурой перцептивного поля [Hoorens 1995; Eiser et al. 2001].

Другой как объект социальной перцепции

В исследованиях социальной перцепции классическим экспериментальным стимулом является образ «среднего Другого», например, «типичного студента»; этот образ либо формируется респондентами самостоятельно, либо усредняется за счет экспертных оценок. Такой подход оправдан с точки зрения статистики: априорная вероятность отношения к объекту задается большим множеством данных, разброс которых позволяет принять исходное отношение равным нулю. В то же время усредненный объект оценки имеет свои недостатки. Во-первых, он по-разному представляется субъектами восприятия, за счет чего происходит оценка, по сути, разных стимулов. Во-вторых, исчезает возможность проследить отклонения индивидуальных суждений от некой социальной нормы, поскольку к обезличенному среднему Другому не может существовать общей нормы отношения. Этих недостатков лишен образ *конкретного* Другого, представленный положительной (социально одобряемой) и отрицательной (социально неодобряемой) валентностями. Эти валентности также задают некие точки отсчета для индивидуальных различий в отношении, однако эти точки являются полюсными, а не нулевыми. Они привязаны к социальным нормам, согласно которым «хороший» человек оценивается высоко, а «плохой» – низко. Можно предположить, что значимость установок на черты может играть меньшую роль при восприятии явно «хорошего» и явно «плохого» Другого, чем при восприятии амбивалентной личности, поскольку оценка «однозначного» персонажа более проста с точки зрения принятия решения. В этом смысле контрастные объекты представляют особый интерес для проверки предположения о вкладе установок в перцептивный процесс.

При восприятии Другого можно выделить несколько основных факторов, которые определяют его итоговую оценку. Согласно теории аттракции [Byrne 1971], нам больше нравится тот, кто является носителем просоциальных качеств. Согласно теории сход-

ства, нам больше нравится тот, кто похож на нас [McPherson et al. 2001]. Еще одним фактором упрощенной оценки Другого является его внешность, а точнее физическая привлекательность [Погонцева, Лабунская 2016; Zebrowitz, Montepare 2008]. Будучи базовыми, эти факторы должны контролироваться при изучении восприятия Другого.

Общая концепция исследования

Ниже описываются результаты двух исследований, направленных на сравнение конструктов самооценки (СО) и оценки Другого (ОД) и их роли в процессе социальной перцепции. В исследовании 1 СО и ОД сопоставляются с точки зрения общего механизма их формирования, в качестве которого рассматриваются установки на черты. Выдвигается гипотеза о том, что установки на черты вносят сходный вклад в формирование СО и ОД, причем наиболее весомым при формировании обеих оценок является вклад эмоционального, а наименее весомым – вклад когнитивного компонента установок.

В исследовании 2 изучается сравнительный вклад СО и СД в формирование позитивной предвзятости в пользу Я в ситуации субъектного («Я по сравнению с Другим») и объектного («Другой по сравнению со мной») фокуса социального сравнения. Выдвигается *гипотеза* о том, что самооценка и оценка Другого вносят сопоставимый вклад в процесс социального сравнения, причем при объектном перцептивном фокусе вклад оценки Другого становится более выраженным, чем при субъектном фокусе.

Организация и методы исследования

Участники и процедура

Оба исследования проводились на одной и той же выборке и различались на уровне анализа данных (см. ниже). Выборку составили 314 студентов в возрасте от 18 до 30 лет (M=20,23, SD=1,59), из них 79 мужчин (25%) и 235 женщин. Все испытуемые давали добровольное письменное согласие на обработку персональных данных.

На первом этапе измерялись установки на черты[6]. Для чего использовался список из 20 антонимичных прилагательных, содержащий 10 положительных и 10 отрицательных личностных характеристик. После этого участники оценивали самих себя с точки зрения выраженности у них каждой черты. На втором этапе испытуемым предъявлялась видеозапись интервью с объектом,

[6] Здесь и далее термины «черта», «качество», «свойство», «характеристика» будут употребляться как синонимы, без привязки к какой-либо теории черт.

в ходе которого тот отвечал на вопросы Темной триады. Каждый участник последовательно просматривал 2 интервью. Порядок их предъявления был рандомным, однако персонаж одного интервью был «хорошим», а другого – «плохим». После просмотра интервью участников просили оценить внешнюю привлекательность объекта и свое характерологическое сходство с ним. Далее испытуемые оценивали объект по уже знакомому списку из 20 черт, а затем сравнивали себя с объектом по каждой черте, т.е. оценивали, у кого она выражена в большей степени. При сравнении с объектом 48% участников получили инструкцию, задающую субъектный фокус сравнения с объектом, а 52% – инструкцию, задающую объектный фокус.

Диагностический инструментарий

Стимульный материал

Образ Другого предъявлялся участникам через просмотр видеоролика с записью постановочного интервью. Персонажами интервью были «типичные студенты», роли которых исполнили юноша и девушка, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». В ходе интервью они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады [Егорова и др. 2015] как абсолютно «хороший» или абсолютно «плохой» человек (в соответствии с ключом к опроснику). И юноша, и девушка сыграли по 2 контрастные роли. Соответственно «плохим» и «хорошим» выступал в интервью один и тот же человек[7]. Перед основным исследованием интервью были оценены участниками фокус-группы и экспертами (педагогами по актерскому мастерству) и получили оценки, свидетельствующие об их содержательной валидности и возможности использования в качестве стимульного материала.

Список черт

Установки на черты, самооценка, оценка объекта и сравнение с объектом диагностировались по одному и тому же списку черт, включавшему 20 антонимичных прилагательных, составленных на основе перечня прилагательных С. Паль и Р. Эйзера [Pahl, Eiser 2005] и релевантных с точки зрения описания объектов с высокой и низкой выраженностью Темной триады, например: самокритичность – самовлюбленность, доброжелательность – неприветливость, порядочность – безнравственность и т.д. Прилагательные, относящиеся к одной и той же антонимичной паре, располагались в списке в разных столбцах и на разных порядковых позициях.

[7] Каждый испытуемый оценивал «хорошего» и «плохого» объекта в исполнении разных актеров.

Анализ оценок «хорошего» и «плохого» объекта показал значимые различия по всем чертам ($2{,}98<t<50{,}12$, $p<0{,}001$).

Диагностика показателей осуществлялась с помощью разных инструкций, предварявших список черт. При этом каждая черта оценивалась по пятибалльной шкале: 1 – минимальная выраженность, 5 – максимальная выраженность. Итоговые показатели оценок вычислялись как разность средних по положительным и отрицательным чертам.

По аналогии с процедурой, использовавшейся в исследованиях С. Паль и Р. Эйзера [Pahl, Eiser 2005], а также К. Розермунда с коллегами [Rothermund et al. 2005], для измерения когнитивного компонента установок на черты давалась инструкция «Насколько часто встречаются следующие качества у людей?». Для измерения эмоционального компонента установок давалась инструкция «Насколько следующие качества нравятся лично вам?». Измерение поведенческого компонента установок предварялось инструкцией «Насколько сложно данные качества поддаются контролю со стороны человека? Насколько тяжело ему управлять ими по своему желанию?».

Для диагностики самооценки использовалась следующая инструкция: «Оцените, насколько выражены лично у вас следующие черты». Оценка объекта осуществлялась по инструкции «Оцените, насколько выражены у девушки / юноши следующие черты».

Сравнение с объектом задавалось двумя альтернативными инструкциями, предусматривающими субъектный либо объектный фокус сравнения с объектом. Субъектный фокус: «Сравнивая себя с девушкой / юношей, могу сказать, что как человек Я – более...». Объектный фокус: «Сравнивая девушку / юношу с собой по положительным чертам, я могу сказать, что как человек она / он более...».

Оценка контрольных переменных

В качестве контрольных переменных в исследовании использовались показатели субъективной оценки респондентами внешней привлекательности и характерологического сходства с объектом. Оценки располагались в диапазоне от 1 (минимально привлекательный / минимально похожи) до 10 (максимально привлекательный / максимально похожи)

Статистический анализ данных

Статистический анализ данных выполнялся в модуле AMOS программы SPSS 19. Осуществлялось моделирование структурными линейными уравнениями (SEM). Строились модели путей с оценкой по методу максимального подобия (Maximum likelihood).

В исследовании 1 строились и сопоставлялись между собой две модели путей: (1) модель самооценки и (2) модель оценки объекта. В обеих моделях, в соответствии с теоретическими ожиданиями, каузально-подобные пути проводились от показателей когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов установок на черты (как экзогенных переменных) к показателям оценки себя и объекта (как эндогенным переменным). В модели оценки объекта в качестве дополнительной экзогенной переменной использовался показатель валентности объекта (номинальная шкала). Для оценки влияния факторов внешней привлекательности и сходства с объектом дополнительно строилась контрольная модель оценки объекта, включавшая данные показатели в качестве экзогенных переменных.

В исследовании 2 также строились две модели путей: (1) модель социального сравнения с субъектным фокусом и (2) модель социального сравнения с объектным фокусом. В соответствии с теоретическими ожиданиями, каузально-подобные пути проводились от показателей оценки объекта и самооценки (как экзогенных переменных) к показателю социального сравнения (как эндогенной переменной). Как и в исследовании 1, в качестве дополнительной экзогенной переменной в модель включался показатель валентности объекта, а вклад контрольных переменных (привлекательности и сходства с объектом) оценивался через построение контрольных моделей.

Поскольку оценки объектов разного пола по исследуемым показателям были статистически незначимыми ($p>0,10$), при построении моделей пол объекта не вводился в качестве дополнительной экзогенной переменной.

Результаты

Анализ нормальности распределения

Многомерная нормальность распределения показателей оценивалась с помощью Test for Normality and Outliers в процессе построения моделей в AMOS через значение критического коэффициента для многомерного эксцесса (c.r.=Ex/SE). Результаты тестирования (табл. 1) свидетельствовали о многомерной нормальности распределения переменных и возможности использования метода максимального подобия (Maximum likelihood) для оценки параметров моделей.

Таблица 1

Показатели многомерной нормальности распределения показателей моделей

Модель	Ex	c.r.
Модель самооценки	3,55	4,54
Модель оценки объекта	1,22	2,21
Контрольная модель оценки объекта	-0,59	-0,89
Модель социального сравнения с субъектным фокусом	-0,69	-0,63
Контрольная модель социального сравнения с субъектным фокусом	-0,43	-0,28
Модель социального сравнения с объектным фокусом	1,82	1,62
Контрольная модель социального сравнения с объектным фокусом	2,46	1,55

Примечание. Значение критического коэффициента для многомерного эксцесса в пределах 5 свидетельствует о приблизительной многомерной нормальности распределения переменных.

Я и Другой: модели оценки

В итоговую модель самооценки (Рис. 1) вошли со значимыми весами ($p<0,001 \div 0,05$) все экзогенные переменные. Модель оказалась статистически значимой ($\chi^2=5,84$, $p>0,10$; RMSEA=0,05; GFI=0,99; AGFI=0,97).

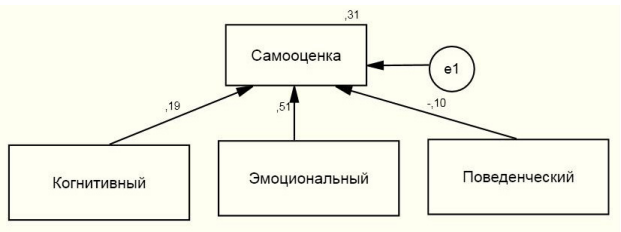

Рис. 1. Модель самооценки

Содержательно модель свидетельствовала о том, что установки на черты оказывают определенное влияние на самооценку по данным чертам, объясняя 31% ее дисперсии. При этом наиболее существенным оказался вклад эмоционального компонента. Как показывает модель, оценивая себя по набору положительных и отрицательных черт, субъект склонен отдавать предпочтение тем чертам, которые вызывают у него положительные эмоции, которые он

считает более типичными и тем, что в меньшей степени поддаются контролю.

В итоговую модель оценки объекта (Рис. 2а) вошли со значимыми весами экзогенные переменные эмоционального и поведенческого компонентов установок. Модель оказалась статистически значимой (χ^2=0,43, p>0,10; RMSEA=0,01; GFI=0,99; AGFI=0,96). Каузально-подобные пути (p<0,001÷0,05) прошли к зависимой переменной от показателей эмоционального и поведенческого компонентов установок, а также от показателя валентности объекта. Вклад когнитивного компонента установок в оценку объекта оказался незначимым (β=0,03, p>0,10).

В контрольную итоговую модель оценки объекта (Рис. 2б) вошли со значимыми весами экзогенные переменные эмоционального компонента установок, а также привлекательности объекта и сходства с объектом восприятия. Модель также оказалась статистически значимой (χ^2=1,31, p>0,10; RMSEA=0,01; GFI=0,99; AGFI=0,96). Каузально-подобные пути (p<0,001÷0,002) прошли к зависимой переменной от показателей эмоционального и поведенческого компонентов установок, а также от показателя валентности объекта. Ковариации экзогенных переменных были статистически значимыми (p<0,001). Однако вклады когнитивного и поведенческого компонентов в оценку объекта в данной модели оказались незначимыми (β=0,04, p>0,10).

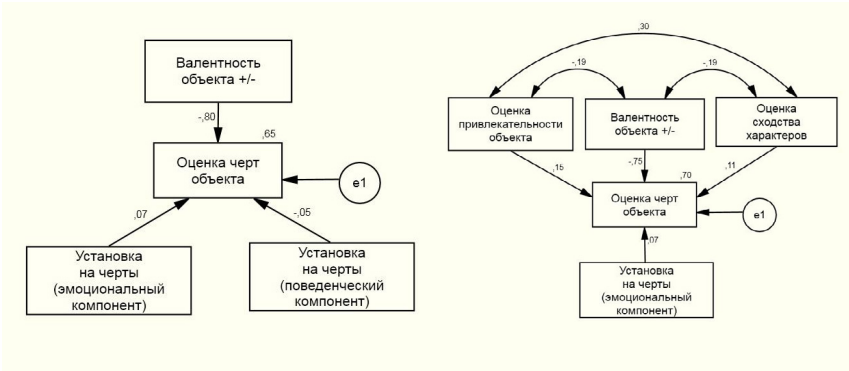

Рис. 2а. Модель оценки объекта

Рис. 2б. Контрольная модель оценки объекта

В модели оценки объекта экзогенные переменные объясняли в совокупности 65% дисперсии эндогенной переменной. При этом наибольший вклад в оценку внесла валентность объекта: «хороший» объект (v=1) оценивался более положительно, чем «плохой» (v=2). Вместе с тем вклад установок на черты в оценку объекта

составил в совокупности около 10%. Оценивая объекта по набору черт, субъект, как и в случае самооценки, отдавал предпочтение эмоционально привлекательным чертам, а также тем из них, которые в меньшей степени поддаются контролю. При введении контрольных переменных привлекательности и сходства с объектом предсказательная способность модели возрастала, однако вес вклада установок на черты снижался до 4% и ограничивался только эмоциональным компонентом.

Я и Другой: модели социального сравнения

Модель социального сравнения с субъектным перцептивным фокусом оказалась незначимой (χ^2=7,36, p>0,05), однако модель с включенными контрольными переменными привлекательности и сходства с объектом обладала приемлемыми показателями статистической пригодности (χ^2=12,73, p>0,05; RMSEA=0,06; GFI=0,97; AGFI=0,93). Все коэффициенты каузально-подобных путей и ковариаций были статистически значимыми (p<0,001÷0,01). Данная модель представлена на рис. 3.

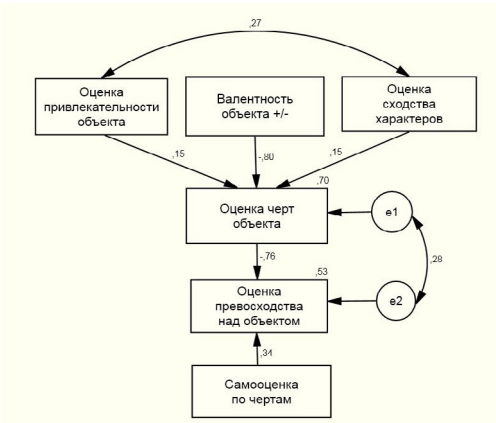

Рис. 3. Контрольная модель социального сравнения с субъектным фокусом

Согласно модели, оценка объекта и самооценка в совокупности объясняли 53% дисперсии социального сравнения, причем вклад оценки объекта был в два раза выше, чем вклад самооценки. Знаки коэффициентов экзогенных переменных свидетельствовали о том, что выраженность собственного превосходства над субъектом обусловлена его низкой оценкой на фоне высокой самооценки.

Модель социального сравнения с объектным фокусом (Рис. 4а) обладала приемлемыми показателями статистической значимости

(χ^2=3,25, p>0,10; RMSEA=0,06; GFI=0,99; AGFI=0,95). Все коэффициенты каузально-подобных путей были значимыми (p<0,001). Контрольная модель социального сравнения с объектным фокусом (Рис. 4б) также обнаружила приемлемую пригодность (χ^2=10,79, p>0,10; RMSEA=0,06; GFI=0,98; AGFI=0,93). Регрессионные коэффициенты были значимыми (p<0,001÷0,01).

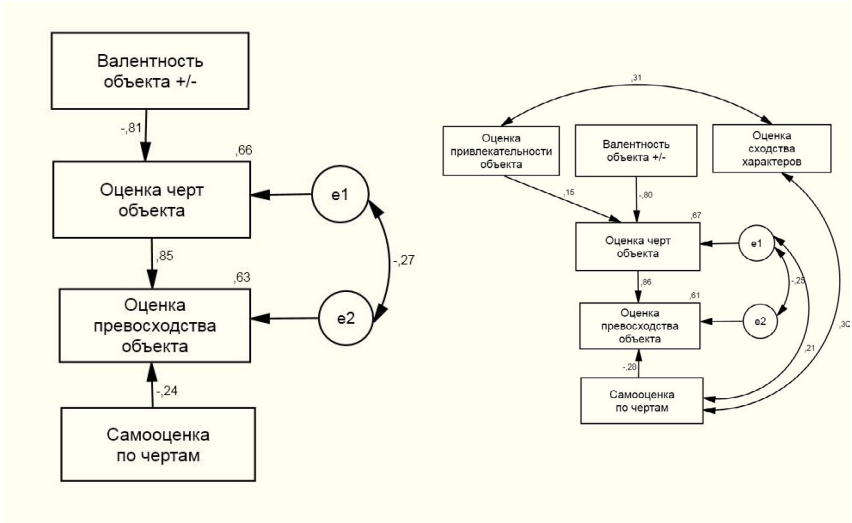

Рис. 4а. Модель социального сравнения с объектным фокусом

Рис. 4б. Контрольная модель социального сравнения с объектным фокусом

Модели сравнения с объектным фокусом обнаружили сходный баланс вкладов оценки объекта и самооценки в социальное сравнение. Совокупно данные переменные объясняли более 60% дисперсии зависимой переменной, причем вклад оценки объекта был в 3,5 раза выше, чем вклад самооценки. Знаки коэффициентов экзогенных переменных свидетельствовали о том, что выраженность превосходства объекта над субъектом более чем наполовину обусловлена высокой оценкой объекта на фоне низкой самооценки субъекта.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что установки на черты могут рассматриваться как единый механизм оценки как себя, так и другого человека. Наибольший вес при этом имеет установка на эмоциональное принятие черт: и себе, и объекту при-

писываются те из них, которые оцениваются как более привлекательные. Интересно, что данный эффект имеет место независимо от валентности объекта, хотя, как показывает проверочное построение раздельных моделей, наиболее ярко проявляется при оценке «хорошего» Другого по положительным чертам (β=0,39, p<0,001), чем «плохого» Другого – по отрицательным (β=-0,12, p<0,10). Обнаруженное единообразие вклада эмоциональной установки в оценку себя и объектов разной валентности, на наш взгляд, поддерживает выдвинутую Д. Бэмом идею сходства Я и Другого как объектов перцептивной оценки. Во вторую очередь на выбор приписываемых себе и объекту черт влияет представление субъекта о возможности контроля данной черты со стороны ее носителя. Как показывают модели, и себе, и Другому приписываются преимущественно те черты, которые плохо поддаются коррекции, т.е. присутствуют в человеке как данность. Этот факт также можно трактовать как проявление единой когнитивной основы восприятия себя и другого человека, а выбор в пользу слабо контролируемых черт – как стремление к предсказуемости, наделение себя и объекта стабильными признаками. Что касается собственно когнитивного компонента установок, его вклад оказался значимым в случае самооценки, но незначимым в случае оценки Другого. Это свидетельствует о том, что самому себе субъект склонен приписывать более типичные (распространенные), черты, а другому человеку – любые (и типичные, и уникальные). Этот факт не вписывается в предположение об общности перцептивных механизмов оценки себя и Другого и может быть интерпретирован с позиции феномена прототипизации, родственного понятию ингруппового фаворитизма и описанного в исследованиях М. Бианчи и др. [Bianchi et al. 2009; Bianchi et al. 2010]. Прототипизация представляет собой проецирование характеристик ингруппы на группу более высокого уровня – протогруппу, которая является родовой для ингруппы и аутгруппы. Например, немцы считают немцев более похожими на европейцев, чем итальянцев [Machunsky, Meiser 2014]. Предельным вариантом протогруппы является образ «людей вообще». Можно допустить, однако, что изменение инструкции для оценки когнитивного компонента установок (например, «Насколько хорошо Вы понимаете значение данной черты?») могло бы преодолеть эффект прототипизации и зафиксировать аналогичные вклады данного компонента в оценку себя и Другого. Однако это предположение нуждается в специальной проверке и тщательном подборе индикатора, который обеспечил бы приемлемую дисперсию соответствующего показателя. Как мы и предполагали, вклады установок в оценку Другого оказались значимыми, однако менее весомыми, чем их вклады в самооценку. Предположительно это объясняется личностным

контрастом стимульных объектов. Поскольку объекты были очевидно «хорошими» и «плохими», для испытуемых не представляло труда автоматически наделить их соответственно положительными и отрицательными чертами. В том же ключе можно рассматривать факт ослабления вкладов установок при включении в модель оценок внешней привлекательности объекта и сходства с ним. При осознании данных показателей участники получали своего рода дополнительные аргументы для приписывания «хорошему» объекту положительных, а «плохому» – отрицательных качеств. При этом установки на черты утрачивали свою функциональную роль, «экономя» умственные усилия субъекта. В подобной ситуации даже слабый вклад установок на черты в оценку объекта можно рассматривать, на наш взгляд, как важный эмпирический результат, согласующийся с атрибутивной теорией Д. Бэма.

Анализ моделей социального сравнения с разным перцептивным фокусом показал, что выраженность самооценки и оценки объекта являются надежными предикторами оценки превосходства объекта над собой (объектный фокус), однако не могут надежно предсказать оценку собственного превосходства над объектом (субъектный фокус). В самом общем смысле это означает, что оценка собственного превосходства над объектом (при субъектном фокусе) не определяется тем, как субъект оценивает этого объекта и самого себя. Т.е. независимо от характера сочетания этих показателей (даже в случае низкой самооценки и высокой оценки объекта) субъект продемонстрирует позитивную предвзятость в пользу Я. При добавлении в модель контрольных переменных, что на перцептивном уровне можно расценивать как детализацию информации о Другом, модель становится пригодной. Этот факт наряду со значениями стандартизированных регрессионных коэффициентов всех значимых моделей свидетельствует о преобладании вклада оценки Другого над вкладом самооценки в процесс социального сравнения. Таким образом, можно говорить о том, что итог социального сравнения в большей степени определяется отношением к объекту, чем отношением к себе. Это преобладание можно объяснить, по всей видимости, априорной сформированностью самооценки, которая является для субъекта своего рода фоном при восприятии новой пока что фигуры Другого. Иными словами, больший вклад оценки Другого можно расценивать как показатель большей сосредоточенности умственных усилий субъекта на восприятии личности и внешности объекта при его сравнении с собой. Как и предполагалось, экспериментально заданная фиксация фокуса на объекте восприятия («он по сравнению со мной») приводит к усилению вклада его оценки в социальное сравнение. Если в случае субъектного фокуса отношение оценки объекта к самоо-

ценке составляет 2:1, то в случае объектного фокуса – 3:1. Данную динамику опять же можно объяснить, на наш взгляд, в терминах изменчивости фигуры и фона. Таким образом, модели социального сравнения демонстрируют, что соотношение образов Я и Другого в процессе социальной перцепции не является устойчивым и может меняться в зависимости от фокуса сравнения. При субъектном (направленном на себя) фокусе восприятия самооценка и оценка Другого не являются надежными предикторами социального сравнения и могут, вероятно, служить псевдо-объяснением превосходства Я над Другим.

Заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Одним из факторов социальной перцепции являются установки на черты, которые вносят аналогичные вклады в оценки себя и другого человека. Наибольшее влияние на оценки имеют эмоциональный и поведенческий компоненты установок: человек склонен наделять себя и Другого наиболее привлекательными и слабо контролируемыми чертами.

2. По сравнению с ситуацией самооценки при оценке очевидно «хорошего» и очевидно «плохого» Другого вклад эмоционального и поведенческого компонентов установок становится значимо слабее, а вес когнитивного компонента утрачивает статистическую значимость.

3. Факторы внешней привлекательности и сходства с объектом восприятия ослабляют роль установок на черты при оценке его личности.

4. При субъектном фокусе сравнения с Другим позитивная предвзятость в пользу Я не зависит от соотношения самооценки и оценки Другого, однако оценка внешней привлекательности и сходства с объектом «запускает» оценочный анализ его и своей личности и обеспечивает их вклад в социальное сравнение.

5. В процессе социального сравнения вклад оценки Другого является более значимым, чем вклад самооценки. Наиболее ярко данная закономерность проявляется в ситуации объектного перцептивного фокуса.

Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на атрибутивный подход к социальной перцепции. Утверждение Д. Бэма о том, что человек воспринимает себя по аналогии с тем, как он воспринимает другого человека, справедливо и с точки зрения переноса механизмов самовосприятия на восприятие Другого. Это позволяет наметить перспективы когнитивного подхода к исследованию механизмов проекции и идентификации, т.е. определить их кон-

кретные предикторы, обладающие относительной устойчивостью к эффекту позитивной предвзятости.

Результаты настоящего исследования могут найти практическое применение в сфере управления впечатлением. Они показывают, что, управляя определенными компонентами установок, можно в некоторой степени корректировать самооценку и ожидать схожих эффектов в оценке образа Другого – более выраженных в случае его положительной и менее выраженных в случае отрицательной личностной валентности. Варьирование фокусом социального сравнения и детализация образа Другого также могут использоваться как факторы управления впечатлением, снижая эффект позитивной предвзятости в пользу Я.

Ограничения

Ограничения настоящего исследования связаны, во-первых, с социальными и половозрастными характеристиками выборки, которую составили лица юношеского возраста, студенты, преимущественно девушки. Во-вторых, использованные в исследовании вербальные индикаторы когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов установок на черты не позволяют распространять обнаруженные эффекты на установки в широком понимании данного термина.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект РФФИ № 18-013-00329.

Acknowledgments

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, RFBR project No. 18-013-00329.

Литература

Балева и др. 2018 – *Балева М.В., Гасимова, В.А., Ковалева Г.В.* Когнитивные механизмы стереотипизации Другого // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 78–90. DOI:10.7868/S0205959218030054

Егорова и др. 2015 – *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. P. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения 12 марта 2019).

Канеман 2006 – *Канеман Д.* Внимание и усилие / Под ред. А.Н. Гусева. М.: Смысл, 2006. 288 с.

Погонцева, Лабунская 2016 – *Погонцева Д.В., Лабунская В.А.* Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Московский институт психоанализа, Когито-Центр, 2016. С. 56–72.

Щебетенко 2014 – *Щебетенко С.А.* «Лучший человек в мире»: установки на черты личности в контексте большой пятерки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 129–148.
Щебетенко 2015 – *Щебетенко С.А.* Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 55–65.
Alicke et al. 1995 – *Alicke M.D., Klotz M.L., Breitenbecher D.L., Yurak T.J., Vredenburg D.S.* Personal contact, individuation, and the better-than-average effect // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. no. 5. P. 804–825. DOI:10.1037/0022-3514.68.5.804
Bagozzi 1981 – *Bagozzi R.P.* Attitudes, intentions, and behavior: A test of some key hypotheses // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 41. no. 4. P. 607–627. DOI:10.1037/0022-3514.41.4.607
Bem 1970 – *Bem D.J.* Testing self-perception explanation of dissonance phenomena – salience of premanipulation attitudes // Journal of personality and social psychology. 1970. Vol. 14. no. 1. P. 23–31. DOI:10.1037/h0020916
Bem 1972 – *Bem D.J.* Constructing cross-situational consistencies in behavior – some thoughts on Alker's critique of Mischel // Journal of personality. 1972. Vol. 40. no. 1. P. 17–26.
Bianchi et al. 2009 – *Bianchi M., Machunsky M., Steffens M.C., Mummendey A.* Like me or like us: Is ingroup projection just social projection? // Experimental Psychology. 2009. no. 56. P. 198–205. DOI:10.1027/1618-3169.56.3.198
Bianchi et al. 2010 – *Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.* What do you mean by "European"? Evidence of spontaneous ingroup projection // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. no. 36. P. 960–974. DOI:10.1177/0146167210367488
Byrne 1971 – *Byrne D.* The attraction paradigm. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
Collins 2000 – *Collins R.L.* Among the better ones: Upward assimilation in social comparison // Handbook of social comparison: Theory and research / Ed. by J. Suls, L.Wheeler. NY: Kluwer Academic / Plenum Press Publishers, 2000. P. 141–158. DOI: 10.1007/978-1-4615-4237-7_9
Dunning et al. 1989 – *Dunning D., Meyerowitz J.A., Holzberg A.D.* Ambiguity and self-evaluation: The role of idiosyncratic trait definitions in self-serving assessments of ability // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. no. 6. P. 1082–1090. DOI:10.1037/0022-3514.57.6.1082
Eagly, Chaiken 1993 – *Eagly A.H., Chaiken S.* The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich, 1993. 794 p.
Eiser et al. 2001 – *Eiser J.R., Pahl S., Prins Y.R.A.* Optimism, pessimism and the direction of self-other comparisons // Journal of Experimental Social Psychology. 2001. no. 37. P. 77–84. DOI:10.1006/jesp.2000.1438
Festinger 1954 – *Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. no. 7. P. 117–140. DOI:10.1177/001872675400700202
Glasman, Albarracín 2006 – *Glasman L.R., Albarracín D.* Forming attitudes that

predict future behavior: A meta-analysis of the attitude-behavior relation // Psychological Bulletin. 2006. Vol. 132. no. 5. P. 778–822. DOI:10.1037/0033-2909.132.5.778

Hoorens 1995 – *Hoorens V.* Self-favoring biases, self-presentation, and the self-other asymmetry in social comparison // Journal of Personality. 1995. Vol. 63. P. 793–817. DOI:10.1111/j.1467-6494.1995.tb00317.x

Kaiser, Wilson 2019 – *Kaiser F.G., Wilson M.* The Campbell paradigm as a behavior-predictive reinterpretation of the classical tripartite model of attitudes // European Psychologist. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://psycnet.apa.org/fulltext/2019-39468-001.pdf (дата обращения 20 марта 2019). DOI:10.1027/1016-9040/a000364

Machunsky, Meiser 2014 – *Machunsky M., Meiser T.* Cognitive Components of ingroup projection: Prototype projection pontributes to biased prototypicality judgments in group perception // Social Psychology. 2014. Vol. 45. no. 1. P 15–30. DOI:10.1027/1864-9335/a000156

McPherson et al. 2001 – *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M.* Birds of a Feather: Homophily in social networks // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. no. 1. P. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415.

Mussweiler 2003 – *Mussweiler T.* Comparison processes in social judgment: Mechanisms and consequences // Psychological Review. 2003. Vol. 110. no. 3. P. 472–489. DOI:10.1037/0033-295X.110.3.472

Mussweiler, Strack 2000 – *Mussweiler T., Strack F.* The “relative self”: Informational and judgmental consequences of comparative self-evaluation // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. no. 1. P. 23–38. DOI:10.1037/0022-3514.79.1.23

Pahl, Eiser 2005 – *Pahl S., Eiser J.R.* Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? // Experimental Psychology. 2005. Vol. 52. no. 4. P. 303–309. DOI:10.1027/1618-3169.52.4.303

Rosenberg, Hovland 1960 – *Rosenberg M.J., Hovland C.I.* Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes // Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components / Ed. by C.I. Hovland, M.J. Rosenberg. New Haven, CT: Yale University Press, 1960. P. 1–14.

Ross et al. 1983 – *Ross M., McFarland C., Conway M., Zanna M.P.* Reciprocal relation between attitudes and behavior recall: Committing people to newly formed attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 45. no. 2. P. 257–267. DOI:10.1037/0022-3514.45.2.257

Rothermund et al. 2005 – *Rothermund K., Bak P.M., Brandtstädter J.* Biases in self-evaluation: Moderating effects of attribute controllability // European Journal of Social Psychology. 2005. no. 35. P. 281–290. DOI:10.1002/ejsp.250

Savoy, Boxer 2019 – *Savoy S., Boxer P.* The impact of weight-biased media on weight attitudes, self-attitudes, and weight-biased behavior // Psychology of Popular Media Culture. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/331759445_The_Impact_of_Weight-Biased_

Media_on_Weight_Attitudes_Self-Attitudes_and_Weight-Biased_Behavior (дата обращения 20 марта 2019). DOI:10.1037/ppm0000232
Vergauwe et al. 2010 – *Vergauwe E., Barrouillet P., Camos V.* Do Mental Processes Share a Domain-General Resource? // Psychological Science. 2010. Vol. 21. no. 3. P. 384–390. DOI:10.1177/0956797610361340
Wills 1981 – *Wills T.A.* Downward comparison principles in social psychology // Psychological Bulletin. 1981. no. 90. P. 245–271. DOI:10.1037/0033-2909.90.2.245
Zebrowitz, Montepare 2008 – *Zebrowitz L.A., Montepare J.M.* Social psychological face perception: Why appearance matters // Social and Personality Psychology Compass. 2008. no. 2. P. 1497–1517. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x

References

Alicke, M.D., Klotz, M.L., Breitenbecher, D.L., Yurak, T.J. and Vredenburg, D.S. (1995), "Personal contact, individuation, and the better-than-average effect", *Journal of Personality and Social Psychology,* vol. 68, no 5, pp. 804–825. DOI:10.1037/0022-3514.68.5.804
Bagozzi, R.P. (1981), "Attitudes, intentions, and behavior: A test of some key hypotheses", *Journal of Personality and Social Psychology,* vol. 41, no. 4, pp. 607–627. DOI:10.1037/0022-3514.41.4.607
Baleva, M.V., Gasimova, V.A. and Kovaleva, G.V. (2018), "Cognitive mechanisms of stereotyping the other", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 39, no. 3, pp. 78–90. DOI:10.7868/S0205959218030054
Bem, D.J. (1970), "Testing self-perception explanation of dissonance phenomena – salience of premanipulation attitudes", *Journal of personality and social psychology,* vol. 14, no. 1, pp. 23–31. DOI:10.1037/h0020916
Bem, D.J. (1972), "Constructing cross-situational consistencies in behavior – some thoughts on Alker's critique of Mischel", *Journal of personality,* vol. 40, no. 1, pp. 17–26.
Bianchi, M., Machunsky, M., Steffens, M.C. and Mummendey, A. (2009), "Like me or like us: Is ingroup projection just social projection?", *Experimental Psychology,* no. 56, pp. 198–205. DOI:10.1027/1618-3169.56.3.198
Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M.C. and Yzerbyt, V. (2010), "What do you mean by 'European'? Evidence of spontaneous ingroup projection", *Personality and Social Psychology Bulletin*, no. 36, pp. 960–974. DOI:10.1177/0146167210367488
Byrne, D. (1971), *The attraction paradigm*, Academic Press, New York, USA.
Collins, R.L. (2000), "Among the better ones: Upward assimilation in social comparison", in Suls, J., Wheeler, L. (eds.), *Handbook of social comparison: Theory and research,* Kluwer Academic / Plenum Press Publishers, New York, NY, USA. P. 141–158. DOI: 10.1007/978-1-4615-4237-7_9
Dunning, D., Meyerowitz, J.A. and Holzberg, A.D. (1989), "Ambiguity and self-evaluation: The role of idiosyncratic trait definitions in self-serving

assessments of ability", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 6, pp. 1082–1090. DOI:10.1037/0022-3514.57.6.1082
Eagly, A.H. and Chaiken, S. (1993), *The psychology of attitudes*, Harcourt Brace Jovanovich, Fort Worth, TX, USA.
Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. and Parshikova, O.V. (2015), "Adaptation of the Short Dark Triad", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Online], vol. 8, no. 43, p. 1, available at: http://psystudy.ru (Accessed 12 March 2019).
Eiser, J.R., Pahl, S. and Prins, Y.R.A. (2001), "Optimism, pessimism and the direction of self-other comparisons", *Journal of Experimental Social Psychology,* no. 37, pp. 77–84. DOI:10.1006/jesp.2000.1438
Festinger, L. (1954), "A theory of social comparison processes", *Human Relations,* no. 7, pp. 117–140. DOI:10.1177/001872675400700202
Glasman, L.R. and Albarracín, D. (2006), "Forming attitudes that predict future behavior: A meta-analysis of the attitude-behavior relation", *Psychological Bulletin,* vol. 132, no. 5, pp. 778–822. DOI:10.1037/0033-2909.132.5.778
Hoorens, V. (1995), "Self-favoring biases, self-presentation, and the self-other asymmetry in social comparison", *Journal of Personality*, no. 63, pp. 793–817. DOI:10.1111/j.1467-6494.1995.tb00317.x
Kahneman, D. (2006), *Vnimanie i usilie* [Attention and Effort], Smysl, Moscow, Russia.
Kaiser, F.G. and Wilson, M. (2019), "The Campbell paradigm as a behavior-predictive reinterpretation of the classical tripartite model of attitudes", *European Psychologist* [Online], available at: https://psycnet.apa.org/fulltext/2019-39468-001.pdf (Accessed 20 March 2019). DOI:10.1027/1016-9040/a000364
Machunsky, M. and Meiser, T. (2014), "Cognitive Components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception", *Social Psychology*, vol. 45, no. 1, pp. 15–30. DOI:10.1027/1864-9335/a000156
McPherson, M., Smith-Lovin, L. and Cook, J.M. (2001), "Birds of a Feather: Homophily in social networks", *Annual Review of Sociology,* vol. 27, no. 1, pp. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415.
Mussweiler, T. (2003), "Comparison processes in social judgment: Mechanisms and consequences", *Psychological Review*, vol. 110, no 3, pp. 472–489. DOI:10.1037/0033-295X.110.3.472
Mussweiler, T. and Strack, F. (2000), "The 'relative self': Informational and judgmental consequences of comparative self-evaluation", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 79, no. 1, pp. 23–38. DOI:10.1037/0022-3514.79.1.23
Pahl, S. and Eiser, J.R. (2005), "Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits?", *Experimental Psychology*, vol. 52, no. 4, pp. 303–309. DOI:10.1027/1618-3169.52.4.303
Pogontseva, D.V. and Labunskaya, V.A. (2016), "Lookism: face, body, soul", in

Anan'eva, K.I., Barabanshchikov, V.A. and Demidov A.A. (eds.), *Litso cheloveka v prostranstve obshcheniya* [Human face in communication space], Moskovskii Institut Psikhoanaliza, Kogito-Tsentr, Moscow, Russia, pp. 56–72.
Rosenberg, M.J. and Hovland, C.I. (1960), "Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes", in Hovland C.I. and Rosenberg M.J. (eds.), *Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components,* Yale University Press, New Haven, CT, USA, pp. 1–14.
Ross, M., McFarland, C., Conway, M. and Zanna, M.P. (1983), "Reciprocal relation between attitudes and behavior recall: Committing people to newly formed attitudes", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 45, no. 2, pp. 257–267. DOI:10.1037/0022-3514.45.2.257
Rothermund, K., Bak, P.M. and Brandtstädter, J. (2005), "Biases in self-evaluation: Moderating effects of attribute controllability", *European Journal of Social Psychology,* no. 35, pp. 281–290. DOI:10.1002/ejsp.250
Savoy, S. and Boxer, P. (2019), "The impact of weight-biased media on weight attitudes, self-attitudes, and weight-biased behavior", *Psychology of Popular Media Culture*, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/331759445_The_Impact_of_Weight-Biased_Media_on_Weight_Attitudes_Self-Attitudes_and_Weight-Biased_Behavior (Accessed 20 March 2019). DOI:10.1037/ppm0000232
Shchebetenko, S.A. (2014), "'The best man in the world': attitudes toward personality traits", *Psychology-journal of the higher school of economics,* no 3, pp. 129–148.
Shchebetenko, S.A. (2015), "Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory of personality framework", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 36, no 6, pp. 55–65.
Vergauwe, E., Barrouillet, P. and Camos, V. (2010), "Do Mental Processes Share a Domain-General Resource?", *Psychological Science*, vol. 21, no 3, pp. 384–390. DOI:10.1177/0956797610361340
Wills, T.A. (1981), "Downward comparison principles in social psychology", *Psychological Bulletin*, vol. 90, pp. 245–271. DOI:10.1037/0033-2909.90.2.245
Zebrowitz, L.A. and Montepare, J.M. (2008), "Social psychological face perception: Why appearance matters", *Social and Personality Psychology Compass,* vol. 2, pp. 1497–1517. DOI:10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x

Информация об авторе

Милена В. Балева, кандидат психологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; *milenabaleva@yandex.ru*

Information about the author

Milena V. Baleva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Perm State University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva street, Perm, Russia, 614990; *milenabaleva@yandex.ru*